

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

"NUESTRO PAÍS"

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual №. 588.986

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 4 de junio de 1959

Буэнос Айрес, четверг 4 июня 1959 года № 488

Вс. Дубровский

По поводу возвращения

В течение последних дней нашей редакцией были получены, почти одновременно статья Анатолия Руничича "Мертвые души и мудрые обезьяны", ставящая Центральному Объединению Политических Эмигрантов — ЦОПЭ — ряд вопросов, в связи с возвращением в СССР некоторых видных членов этой организации и журнал "Свобода" № 4 от апреля с. г., в котором Владимир Рудольф, как бы предугадав появление статьи А. Руничича, дает ответы на вопросы последней.

Помещая полностью статью А. Руничича, мы печатаем выдержки из статьи В. Рудольфа, объясняющие, с его точки зрения, причины возвращения в Советский Союз некоторых послевоенных эмигрантов и, в частности, наиболее интересующий "случай лейтенанта И. Овчинникова".

Анатолий Руничич

МЕРТВЫЕ ДУШИ И МУДРЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

В "Новом Русском Слове" от 5 апреля была заметка "Почему поверили Овчинникову", подписанная "одним из поверивших". В заметке этой звучало искреннее недоумение и горькое разочарование.

Действительно, дело Овчинникова заслуживает большого внимания. Ведь выступление Овчинникова и Ильинского на советской прессконференции в Восточном Берлине, после их возвращения в СССР, послужило формальным предлогом для создания Советами Берлинского кризиса, который еще и сейчас висит над миром, которым еще и сейчас заняты первые страницы всех газет мира. Так почему бы не поговорить о деле Овчинникова подробнее?

Ведь для того мы и живем в свободном мире, чтобы наслаждаться свободой слова, печати и дискуссий. Ведь в дискуссии рождается истина. У нас же, русских, иногда есть тенденция или к излишней горячности, или к ненужной скромности, когда мы воздерживаемся задавать щекотливые вопросы. Ведь не побоялась и не постеснялась американская печать поднять вопрос о скандальном деле Шермана Адамса, хотя он и был личным помощником самого Президента, вторым человеком в Белом Доме. Президенту пришлось попросить своего помощника подать в отставку. Вот за такой пример демократии и свободной печати хочется пожать руку и Президенту и американской печати.

Так возьмем это за пример и себе, и поговорим о деле Овчинникова. После перехода на Запад, лейтенант Овчинников стал сотрудничать в Мюнхенском ЦОПЭ. Он дал несколько блестящих прессконференций, в Западном Берлине и Мюнхене. Его портрет красовался на обложке "Свободы", там же появилось несколько его статей, очень искренних и горячих, о чем можно судить даже по короткой выдержке в "Новом Русском Слове". Он также писал и написал свою книгу, отрывки из которой печатались в "Свободе". И опять-таки отрывки совсем не плохие и по-человечески очень искренние. Через некоторое время он перешел работать на радио "Освобождение", затем вернулся в ЦОПЭ и, наконец, в результате всей этой Одиссеи, из ЦОПЭ купил билет в Советский Союз. Вместе с ним вернулся в СССР Ильинский, перешедший на Запад в 1956 году, тоже работавший

в ЦОПЭ, портрет которого тоже украшал обложку "Свободы". Это общеизвестные факты. Вообще, если просмотреть портреты на обложках "Свободы" за прошлые годы, то сегодня это галерея мертвых душ, включая майора Ронжина.

Невольно возникают многие вопросы. Кто такой Овчинников? Агент-провокатор, засланный на Запад со специальным заданием? Или были какие-то другие причины, заставившие его пойти назад, что равносильно самоубийству?

Легче всего на этот вопрос могло бы ответить само ЦОПЭ. Но в деле Овчинникова ЦОПЭ уподобился трем мудрым обезьянкам, зажавшим рот, глаза и уши, и предпочитает отмалчиваться. Хотя со времени возвращения Овчинникова в Изаре утекло уже много воды, но "Свобода" об этом деле не проронила ни слова. А жалко, не мешало бы

знать, в чем там причина этого упорного молчания. А по Мюнхену тем временем ползут нехорошие слухи, и молчание ЦОПЭ только усугубляет их.

Только, ради Бога, не нужно граненых канцелярских заявлений-отписок, строгих, чеканных — и пустых. Не будем уподобляться мудрым обезьянкам, а поговорим по-человечески. Говорят, что Овчинников долго писал и написал манускрипт книги в несколько сот страниц. Где она, эта книга? Недавно ЦОПЭ выпустило толстый альманах "Мосты" и не менее толстый сборник-антологию зарубежных писателей. При этом подчеркивалось, что эти сборники предназначены в первую очередь для "людей на той стороне". В "Мостах", предстающих на актуальность, нашлось даже место для поисков блог в бороде Карла Маркса. Но почему, при таком обилии бумаги, ЦОПЭ нигде не поместило дальнейших отрывков из книги Овчинникова? Ведь, сидя в ЦОПЭ, он не мог написать просоветскую книгу? Об этом говорят и отрывки, помещенные когда-то в "Свободе". В чем же дело? В значительной мере то, что напечатано в "Мостах" — это жеванное-пережеванное старье. Например, литературно-критические заметки Рудольфа Юрасова это просто вторичная компиляция его собственных скриптов для радио "Освобождение", которые он первоначально скомпилировал из советской литературы. Видимо, это чувствует и сам автор, прячась за своим третьим псевдонимом — Жабинский. И это то новое, что подносят, якобы, "людям с той стороны"? А вот один из людей "с той стороны" написал, сидя в ЦОПЭ, целую книгу, затем опять ушел "туда". Естественно, что интересно было бы почитать, что он там написал. Вот это было бы вполне актуально, хотя бы для понимания причин его странного поведения. Но мудрые обезьянки молчат.

ЦОПЭ утверждает, что оно существует на материальную поддержку антикоммунистической общественности. Поддержка эта настолько великолушна, что в Мюнхене у работников ЦОПЭ, чуть ли не до дворника, вошло в моду ездить на отдых в Италию. Но раз мы, антикоммунистическая общественность, особенно в Америке, волей-неволей, оказываем ЦОПЭ такую поддержку, то мы имеем и моральное право попросить ЦОПЭ хоть немного растолковать нам, в чем там дело с Овчинниковым, который послужил формальным предлогом для Берлинского кризиса, в чем мы все поневоле заинтересованы.

Поскольку ЦОПЭ молчит, попробуем разобраться сами. Проще всего сказать, что Овчинников был агентом-провокатором, и спасти его со счета. Но здесь, в Америке, мы знаем дело Ольшанского, который вернулся в СССР, и который, кстати, тоже был членом ЦОПЭ, и дело группы моряков с "Туапсе", которыми тоже занималось ЦОПЭ, и которые тоже вернулись в СССР. Называть всех этих людей просто провокаторами было бы слишком примитивно. В чем же дело?

Хорошо, допустим, что Овчинников, действительно, был агентом-провокатором. Тогда почему бы ЦОПЭ не поделиться с нами своими впечатлениями — кто кому, ЦОПЭ или Овчинников, морочили голову в течение трех лет? Почему тогда вместе с Овчинниковым вернулся в СССР Ильинский? Ведь сбежали они из разных мест, один из Берлина, а другой из Бельгии. Неужели Ильинский, малограмматный помощник укротителя медведей в советском цирке, тоже оказался агентом-провокатором? Или, какого рода цирк происходит в мюнхенском ЦОПЭ?

В ЦОПЭ есть американский отдел. Председатель этого отдела многогранный Рудольф-Юрасов-Жабинский. Под кучей псевдонимов и инициалов он бойко исписал большую часть "Мостов", где в своем романе "Страх" он довольно усердно растолковывает "читателям на той стороне", как страшно жить на Западе. А вот "одному из поверивших" (см. "НРС") становится страшно от дела Овчинникова. Почему бы г. Рудольфу-Юрасову, не объяснить это дело? Ведь это его долг, как председателя американского отдела. Noblesse oblige!

Но, если г. Рудольфу страшно от собственного "Страха", то тогда за него, может быть, высаживается секретарь американской редакции ЦОПЭ Нина Берберова. В редактируемых ею "Мостах", в рассказе "Памяти Шлиман", Н. Берберова описывает человека-одиночку, как жертву бездушной механизированной среды. Почему не описать столь же подробно, кем был Овчинников: провокатором или жертвой среды?

В мюнхенском ЦОПЭ, как феникс из пепелища, восстал из забвения и вернулся к активной деятельности Юрий Дикий, с которым когда-то был связан маленький детский скандалчик в СБОНР-Ф. Под псевдонимами Юрий Марьян, Ю. М. и Ю. Д., этот известный специалист по молодежи пишет в "Свободе" о молодежных проблемах в СССР и психологии советской молодежи. Лейтенант Овчинников был молодым советским человеком, интеллигентным, нервным, неуравновешенным, горячим и скрытым, человеком в себе. Почему бы специалисту по молодежи Юрию Дикому не описать в "Свободе" дело Овчинникова: провокатор он или жертва своей собственной психологии?

Или есть еще в Вашингтоне корреспондент "Свободы" Юрий Майер, который под инициалами Н. С. занимается преимущественно популяризацией молодежных трудов Юрия Дикого, перепечатывая их из "Свободы" в "Новое Русское Слово". Вместо перепечаток из мюнхенской провинции, столичный корреспондент ЦОПЭ Юрий Майер лучше бы рассказал нам на страницах "Нового Русского Слова" что-нибудь по поводу Овчинникова.

А если уже заговорили об Овчинникове, то хорошо было бы заодно вспомнить и про другие мертвые души. Почему ушел назад в СССР майор Ронжин, перебежавший на Запад в 1953 году, тоже член ЦОПЭ, красовавшийся в полной форме на обложке "Свободы"? Подобная же история была с ка-

Для нас не безразлична форма ликвидации большевизма вообще: свержение его путем внешнего удара или путем внутреннего переворота.

Подавляющее большинство русских зарубежных организаций предпочитает внутренний переворот.

Предпочитают его и я. Однако из этого предпочтения не следует решительно ничего. И мне приходится далеко уже не в первый раз призывать наше Зарубежье к сохранению элементарного политического здравого смысла. Для людей, этим здравым смыслом обладающих, вне всякого сомнения находятся следующие постулаты:

1. Мы бессильны или ускорить, или задержать, или вызвать, или предотвратить внутрироссийский переворот. В масштабах внутрироссийской борьбы с обеих сторон принимают участие десятки миллионов людей.

2. Мы совершенно бессильны или вызвать, или предотвратить иностранную интервенцию в русские дела. ("Наша Газета" № 3, 1938 г.)

И Солоневич

питаном Александровым, который перебежал на Запад в 1952 году, о котором много писалось в "Свободе" и который, в конце концов, тоже вернулся в СССР. Почему? Что это за черная серия?

Некоторые новости к сожалению, приходится узнавать из советских газет. Так в газетонке "За возвращение на родину" писалось об еще одном своеобразном возвращенце из ЦОПЭ. Тот выкинул фокус похлеще. Там писалось, что некий Рем Мороз нелегально перешел границу СССР в качестве "империалистического агента". Но раньше Рем Мороз частенько упоминался в "Свободе", как член ЦОПЭ! То, что он пошел в пекло — за это честь ему и хвала. Но плохо то, что он моментально направил свои стопы к советским органам госбезопасности и показался им во всем. Он даже чистосердечно признался, что всю жизнь был профессиональным воришкой, о чем, впрочем, уже давно знали в Мюнхене. Но зачем понадобилось ЦОПЭ вербовать своих членов из профессиональных воришек?

Может быть, на этот нескромный вопрос ответят председатель мюнхенского ЦОПЭ г. Лебедев?

В свете всех этих дел, может быть, будет легче понять и темное дело Овчинникова. Деятели ЦОПЭ, не уподобляясь мудрым обезьянкам и объясняющие, пожалуйста, общественности, которая вас поддерживает, все эти дела о мертвых душах, чтобы полегчало на душе у "одного из поверивших" да и у других тоже.

Милости просим высказаться!

Анатолий Руничич

Владимир Рудольф

По поводу возвращения

Возвращение в Советский Союз Овчинникова и Ильинского, ушедших в эмиграцию сравнительно недавно — в послесталинское время — снова привлекло внимание общественности к проблеме: кто из эмигрантов и почему возвращаются в СССР?

Автор этой статьи довелось близко наблюдать многих из тех, кто теперь вернулся в СССР. Кроме того, автор разговаривал со многими эмигрантами, кто близко знал других возвращенцев. Эти наблюдения и расспросы позволяют обобщить опыт возвращенства за последние годы.

Но чем же объясняется возвращение некоторых эмигрантов, попавших в

из газет и журналов

“Буржуазные выдумки”

Лондон (UP). Хрущев, не отрицая наличия заключенных в тюрьмах Советского Союза, заявил, что эти заключенные не используются для строительства.

Московское радио сообщает об этом в следующей форме: “Тов. Хрущев в последней своей речи, в Кишиневе, заявил: буржуазная пресса писала и пишет, что строительство нашей страны ведется руками заключенных, отбывающих срок наказания в лагерях. И нас, конечно, есть осужденные за кражи или другие уголовные преступления, но никто не желает пользоваться ими, как рабочей силой на строительстве, так как продуктивность их работы слишком мала”. (!!)

Анна Андерсон отвергает экспертизу

Гамбург. (AFP). Выдающая себя за Великую Княжну Анастасию Николаеву перед Гражданским Судом в Гамбурге, как сообщают Советник Генрих Бакер, посетивший ее во главе специальной комиссии. Он указывает также, что она вполне нормальна и здорова душевно. Анна Андерсон, однако, категорически отказалась подвернуться медицинскому освидетельствованию с целью установления происхождения шрамов на ногах, которые, по ее заявлению, являются результатом штыковых ран, полученных ею в ночь убийства Царской Семьи в Екатеринбурге. Равным образом отказалась она и от экспертизы, имеющей целью выяснить ее познания в русском языке.

“Пастернак оклеветал русский народ”, — заявил Микоян.

Москва (UP). Присутствовавший на недавно состоявшемся приеме в аргентинском посольстве в Москве Анастас Микоян сказал, что он читал роман Пастернака “Доктор Живаго”, неопубликованный в Советском Союзе, но книга ему не понравилась. Микоян находит, что роман Пастернака “не очень интересен, и, если и не очень, то достаточно плох”. На вопрос, почему книга эта

Каждое ВОСКРЕСЕНЬЕ от 20 до 20.30 ч.
слушайте

РУССКУЮ ПЕРЕДАЧУ
по RADIO PORTENA — LS4

эммиграцию во время войны и после войны? Их возвращение нельзя объяснить незнанием советской жизни — они в ней выросли, они от нее бежали.

Почему вернулся из САСШ летчик Анатолий Борзов, перелетевший на Запад в 1948 году в самолете вместе со своим товарищем — штурманом Петром Пироговым. Почему Борзов вернулся, а Пирогов не вернулся? Почему вернулся из Германии актер Борис Виноградов, который из писем матери знал, что художественный руководитель его театра Радлов, захваченный после войны во Франции, осужден на двадцать пять лет лагерей? Почему вернулся из САСШ бывший старший лейтенант советской армии Борис Ольшанский, ушедший на Запад в 1948 году, написавший в эмиграции антисоветскую книгу “Мы приходим с Востока” и много статей, резко направленных против коммунистической власти на родине? Почему вернулись известные в Мюнхене Михаил Бибиков и Федор Подгорный? Почему вернулся из Чикаго доктор Тебеньков? Почему вернулись из САСШ пять моряков с танкера “Туапсе”? Наконец, почему вернулся недавно Иван Овчинников — бывший лейтенант советской армии, пришедший на Запад всего три года тому назад и требовавший повсеместно “активной борьбы” с коммунизмом?

Рассматривая эти и другие случаи “возвращенства” последних лет, автор настоящей статьи пришел к выводу, что все они связаны в той или иной мере с психическими травмами или с психической неполнотой, — среди вернувшихся нет ни одного человека, кто вернулся в здравом уме, после здравых размышлений, в состоянии психической нормы, как говорят врачи.

Всех этих людей условно можно раз-

не напечатана по-русски, чтобы услышать мнение русских читателей, Микоян ответил: “Потому, что книга эта является клеветой на советский народ!”

В кулуарах Женевской Конференции. Женева (ANSA). Бесконечное количество фотографов — корреспондентов газет и журналов всего мира — постоянно осаждают главных участников Конференции, стремясь сделать наиболее интересный снимок. Понятно, что у них выработалось свое собственное “профессиональное” о них мнение. Наиболее элегантным и любезным, не скучающим на улыбки они считают Куб де Мюрвий — министра иностранных дел Франции. Хертер, занявший место покойного Ф. Даллеса, высокий, интересный, выделяющийся склонностью к позированию и благородством жестов истинного дипломата, умеет улыбаться когда надо и как надо. Моменты, когда Хертер оставляет свои кости, чтобы сесть в автомобиль исполнены истинного драматизма, но сидит в машине он с достоинством и элегантностью, несмотря на физические страдания.

Громыко, которого в Женеве называют то Громуко, то Громико, то Громыко, с удовольствием позирует фотографам, по их желанию, и любезно улыбается; по мнению большинства фотографов, однако, “улыбается губами, но не глазами”.

Сельвин Ллойд и фон Брентано держатся перед фотокамерами строго и холодно.

Немецкие делегации — восточная и западная — полностью игнорируют друг друга. В зале заседаний, где их разделяют всего несколько метров, они не смотрят друг на друга и не разговаривают между собою.

Выступая с речами в заседаниях, Громыко говорит длинно, обвиняя и критикуя своих противников, языкком, напоминающим язык Молотова. Однако, нынешние наследники Бевина и Ф. Даллеса не бросают ему коротких и колких реплик, которые в старину получал Молотов. По общему мнению, они, как и Куб де Мюрвий слишком вежливы в своих ответах Громыко.

Еще одна характерная особенность нынешней конференции — исчезли стоявшие прежде перед каждой делегацией таблички с наименованием стран, которые они представляют. Заготовленные и в этот раз, они, однако, не применяются, так как Западные страны сочли невозможным иметь в зале конференции табличку с надписью “Восточная Германия”. Наличие такой таблички могло послужить основанием считать, что “панковское правительство” признано ими “де факто”.

бить на пять категорий:
Психопаты
Невротики
Пьяницы
Уголовники
Старики.

Это подразделение “возвращенцев” на пять категорий. В. Рудольф делает на базе личного своего контакта с ними, или данных, полученных им от людей, с ними общавшихся. Вполне естественно, что приведенные им примеры соответствуют “требованиям” каждой из вышеуказанных категорий. Но достаточно ли это убедительно? В некоторых случаях — да, но не во всех.

Так, например, “дело Б. Н. Ольшанского” подано В. Рудольфом слишком упрощенно. Он пишет:

“Самым характерным типом невротика-возвращенца является Борис Ольшанский. Родился Ольшанский с тяжелой наследственностью — у него была “волчья пасть”. Уродливый, с раздвоенной перхней губой, с гнусавым голосом, красными веками, он с детства завидовал всем и вся. Комплекс неполноценности делал Ольшанского тяжелым и неприятным человеком для окружающих. Жену ревновал, мучил, заставил рожать детей, хотя врачи отговаривали его ввиду его тяжелой наследственности. Переехав в САСШ, Ольшанский работать не хотел. Все попытки друзей и знакомых устроить его на работу кончались скандалом — от работы отлынивал, у всех занимал деньги. Есть подозрение, что в магазине русской книги в Вашингтоне, где работал последнее время Ольшанский, советские агенты из посольства давали ему деньги за незначительные услуги, а когда он ехал через Канаду в Германию, его перехватили в Канаде и, пригрозив рас-

писками в получении денег, затянули на пароход, уходящий на Дальний Восток.

Случай с Ольшанским кончилсяtragично: попав в СССР, он старался спасти себя тем, что обогнал многих эмигрантов, другим же писал письма, уговаривая возвращаться в СССР, а недавно пришло письмо от врача, в котором сообщалось, что Борис Николаевич Ольшанский умер во время операции почек в Казани. Известно, что Б. Ольшанский никогда почками не болел. Подозрительно и то, что последнее письмо его было грустное, без патриотического бодречества”.

Отнеся Ольшанского к категории “невротиков”, наградив гнусавым голосом и красными веками, предположив, что он получал какие-то подачки от служащих советского посольства в Вашингтоне за какие-то оказанные им при покупке ими книг в магазине, где Ольшанский работал, он заключает, что все это вполне объясняет его возвращение в СССР...

Меня судьба свела с Б. Н. Ольшанским в связи с изданием моим его книги “Мы приходим с Востока”. Работа по изданию книги вызвала оживленную между нами переписку, переписку выходившую за пределы вопросов, связанных лишь с изданием книги. Эта длительная переписка дала мне возможность создать образ Б. Н. Ольшанского весьма далекий от того примитива, который рисует В. Рудольф.

На основании моих впечатлений я НЕ отнес бы Б. Н. Ольшанского к категории “невротиков”, вернувшихся в СССР, хотя бы и не добровольно, а под давлением шантажа. Не говоря о том, что за “волчью пасть” и красными веками В. Рудольф не приметил “внутреннего содержания” человека, далекого от того “комплекса неполноты”, который по мнению В. Рудольфа характеризует Б. Ольшанского. В. Рудольф никак не объясняет “пути Ольшанского на Восток”. Почему он из Соединенных Штатов, оставив там семью отправился в Германию? Почему этот путь из САСШ в Германию шел через Канаду, где его подкарауливали советские агенты с их шантажем? Объясняется ли все это только тем, что Ольшанский — “невротик”... Очень жаль, что НТС никогда не обмолвился ни словом о том, была ли поездка Ольшанского в Германию вызвана приглашением его на постоянную работу в редакции “Посева” — это приглашение могло бы бросить луч света хотя бы на причину его поездки и избранного маршрута. Не странно ли, что “невротик” Ольшанский решив вернуться в СССР, вместо того, чтобы перешагнуть порог советского посольства в Вашингтоне, отправляется в длительное путешествие, в поисках агентов, которые опутали бы его сетями шантажа?

Говоря о моральном облике Б. Н. Ольшанского, В. Рудольф упрекает его в том, что он заставлял свою жену “рожать детей”... Странно, что, зная Ольшанского лично, В. Рудольф не знал или забыл о том воспитании сына его жены от первого мужа, немца, убитого под Сталинградом. Забыл о том, что Б. Ольшанский сделал его сына русским и православным мальчиком, прислуживавшим при богослужениях в русской церкви. Забыл и о том, что и второго — сына он с детства поставил на верный путь.

Словом, мое понимание личности ныне покойного Б. Н. Ольшанского заставляет меня протестовать против поверхностного объяснения причин, побудивших его стать “возвращенцем” — по мнению В. Рудольфа и жертвой похищения — по моему мнению. Могу добавить к этому еще одно соображение: сравнивая стиль и характерную во многих отношениях манеру Б. Ольшанского и писатель, имея в своем распоряжении не только его книгу, но и десятки его писем, можно без труда установить, что его статьи в газетке “За возвращение на родину” имелись, но написаны не им. Думаю, что В. Рудольф знает о том, как это делается не хуже меня.

Думаю, что “дело Ольшанского” следовало бы выделить из группы “невротиков” и присмотреться к нему более внимательно и серьезно, что касается в полной мере и другого — во многом отличного от Ольшанского, но отнюдь не шаблонного “дела И. Овчинникова”.

Вернемся, однако, к статье В. Рудольфа, который заключительную ее часть этому делу и посвящает.

“Если взять все случаи возвращенства,

ВЫСТАВКА “40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ”

12-го сего мая, во вторник, торжественным актом была открыта в Сантьяго де Чили выставка “40 лет преступлений советской власти”, в третий раз, — после Уругвая и Парагвая, — выведенная за пределы Аргентины.

Выставка помещается в самом центре столицы Чили, напротив Конгресса и Кафедрального Собора, на улице Кафедраль.

Согласно полученным нами чилийским газетам — “Эль Меркурио”, “La Nación” и “Эль Диарио Илюстрадо”, поместившим на первых страницах большие статьи о выставке с фотографиями открытия, акт прошел при большом стечении народа, с участием представителей властей, студенчества и прессы.

Акт начался с получасовым опозданием в 19.30 час. вследствие ожидания приезда известного в Чили сенатора Дурана.

Первым, с прочувственной приветственной речью, выступил представитель Союза Русских в Чили и Организационного Комитета помощи выставки — Николай Михайлович Митрофанов.

Вторым говорил В. К. Филиппов, председатель делегации Союза, выехавшей в Чили.

От Чилийского народа выступил Др. Антонио Саморрано, депутат от провинции Вальпараисо и бывший второй кандидат на пост Президента Республики на последних президентских выборах осенью прошлого года.

Он — один из известнейших людей Чили, так называемый “Cura de Cata-pilco”, “Enemigo № 1 del Comunismo”.

Свою длинную и блестящую речь он закончил благодарностью делегации Союза от имени Чили за приезд и демонстрацию выставки и убедительной просьбой — от имени своей провинции — приехать в г. г. Консепсион и Вальпараисо, чтобы ознакомить население и этих городов с материалами мало кому известными и такой большой ценности.

Выставка будет открыта в течение одной недели, после чего, согласно плана, перевозится для демонстрации в гор. Мендоса (Аргентина).

Число посетителей с каждым днемрастет, так как чилийцы вообще большие любители выставок и, несмотря на сравнительно небольшой зал, расположенный хотя и в самом центре города, но на 2-м этаже, уже сейчас можно говорить о полном успехе не уступающем успеху первых трех выставок.

После возвращения делегации в Б. Айрес в первых числах июня русской общественности будет дан полный отчет о выставках на публичном собрании в Доме Русских Белых. В. С.

то нетрудно увидеть, что все они подпадают под перечисленные пять категорий. Нетрудно заметить, что нет среди них людей, вернувшихся в результате здравых решений, в твердом сознании того, что они делали. Можно сказать, что организованное возвращение последних лет не коснулось здравой части эмиграции. По тем, кто вернулся, видно, что основная масса эмиграции состоит из здоровых людей, ясно, отдающих себе отчет в сути советского режима, в какие бы одежды он ни наделся — сталинские или хрущевские. При этом надо отметить, что многим и многим эмигрантам живется не сладко. Интересно отметить и другое: среди возвращенцев нет людей, сидевших в советских лагерях, — кто-то, а бывшие заключенные знают настоящее лицо партийной диктатуры и на пропагандной мячине их не проведены.

Есть среди возвращенцев еще одна, небольшая группа людей. Это советские агенты, засланные или завербованные в эмиграции. Таков старый эмигрант Казем-бек, вернувшийся из САСШ, таков, возможно, и новый эмигрант Иван Овчинников. Их возвращение всегда связано с определенной акцией советского правительства. Возможно, что Иван Овчинников не был засланным агентом. Молодой, горячий, неплохо образованный (знал французский и румынский языки), он пришел в эмиграцию и с места в карьер стал требовать самых непримиримых действий против коммунизма, социализма, против советского правительства. Многим эмигрантам таинственная горячность импонировала, некоторых это настораживало. Скоро нача-

лись конфликты с нетерпеливым Овчинниковым.

К сожалению, среди эмигрантов нашлись люди, которые, сами не желая участвовать в конфликтах — по службе, в эмигрантских организациях — делали все, чтобы “подбодрить”, разогнать Овчинникова. Кончилось тем, что Овчинников стал зол на всех и вся — и на американцев и на немцев, и на эмигрантские организации, стал нелюдимым, раздражительным. Автору этой статьи довелось беседовать с ним летом 1958 года — Овчинников везде ругал, собираясь ехать в Канаду, чтобы там заработать денег и на них опубликовать книгу, “разоблачающую всех”. Во время беседы Овчинников говорил об одном американце, называл его “троцкистом” только за то, что американец этот (непримиримый антикоммунист) когда-то перевел книгу Троцкого.

Поведение Овчинникова не могло быть тайной для советских агентов, и очень похоже, что Овчинникова завербовали. Но не исключена возможность, что был он засланным агентом.

Характерно, что возвращение Овчинникова произошло в то время, когда это понадобилось советскому правительству для давно разработанного нового варианта блокады Берлина. Овчинников понадобился в роли “свидетеля” того, что Западный Берлин превращен, мол, в шпионский и диверсионный центр против СССР и “народно-демократической республики Германии”. Отметим, что вернулся Овчинников после того, как его личная жизнь была устроена — ему помогли поступить в Мюнхенский университет при хорошей стипендии”.

Думается мне, что В. Рудольф и в этом случае, как и в случае с Ольшанским выносит свой приговор с плачами. Дело и в одном и в другом случае — более сложно, чем это представлено В. Рудольфом, хотя и в совершенно различных плоскостях, отличных одна от другой тем, что в случае Ольшанского мы можем с известной долей уверенности говорить о похищении его “органами советской разведки”; в “случае Овчинникова” о похищении и речи быть не может. Случай этот с моей точки зрения глубоко психологического характера. Ни лично, ни путем переписки я не имел никакого общения с ним, но все то, что я о нем знаю “из третьих уст” говорит за то, что в его разочаровании Западом виновна не только та политика Западных демократий, с которой он столкнулся лицом к лицу и убедился насколько она далека от тех представлений о борьбе против коммунизма, с которыми он бежал из СССР, но и очень, очень большой степени виновна наша, так наз., политическая эмиграция. Что он нашел в ней? Попрько к борьбе? Консолидацию противокоммунистических сил? Работу против советской власти? НТС его разочаровало, ЦОПЭ — также; Радио-станция “Освобождение” потеряла для него интерес, как только его лишили возможности передавать в эфир свои собственные скрипты — роль спикера, обязанного передавать чужой ему текст не могла, конечно, его удовлетворить.

Лихорадочно проглашенная им эмигрантская политическая литература, за исключением — будем нескромны — книг И. Л. Солоневича, не нашла отзыва в его душе. Он жаждал реальной, активной работы, но скоро убедился, что это невозможно: там где есть деньги на политическую работу — там работа не имеет смысла, хотя бы та же Радио-станция “Освобождение”, там, где работа могла бы дать плоды, будучи развернутой в полной мере, — нет денег.

Считаю, что “дело Овчинникова” нельзя признавать законченным и сдать его в архив, поставив на ту полочку, которую предлагает ему В. Рудольф. Было бы очень желательно и ценно для дальнейшего, разобраться в нем глубже и тщательнее. Овчинников — не единственный представитель нынешней русской молодежи по “ту сторону”, ищащий путей борьбы за освобождение Родины, если ему “поверить”, как и не последний “разведчик”, засланный на Запад, — если видеть в нем агента Советов.

Было бы совсем не плохо, если бы людям, знавшим его близко и постоянно с ним общавшиеся, в частности, мюнхенское возглавление ЦОПЭ уделило бы этому вопросу больше внимания.

Вс. Дубровский

Памяти Б. Н. Ширяева

Впервые я встретил Бориса Николаевича в редакции “Мелитопольского Края” в марте 1943 г., когда он вел эту ежедневную газету, после эвакуации Ставрополя, где он редактировал основанное им “Утро Кавказа”.

В частных беседах мы вспоминали советские концлагеря, в которых он побывал еще раньше меня в 1922-1927 гг. Нас сближало одинаковое отношение к антибольшевистской борьбе: оба мы считали необходимым без двусмысления сотрудничать с антибольшевистскими силами, работать над возрождением национального самосознания, и относились отрицательно, как к покровительству немцами сепаратистам, так и к якобы раскаявшимся чекистам и по-литрукам.

Борис Николаевич в ту пору тосковал по семье, с которой расстался при эвакуации Ставрополя, но, верный долг, принял приглашение поехать в Дабendorf на курсы пропагандистов Русской Освободительной Армии. Мы вновь встретились с ним летом того же года в Симферополе, куда он вернулся в мундире капитана РОА с надетыми им погонами Императорской Армии, которых не имели другие его спутники; их сохранил он еще со временем своего участия в боях Императорской и Добровольческой Армии, за что и заплатил он тяжкими пятью годами Соловков и затем 15 годами травли в роли бывшего политзаключенного.

Здесь в Крыму он выступал с докладами и пользовался неизменным успехом, печатал статьи, которые сбрасывались с самолетов над покинутым им Кавказом, где он вновь обрел возможность литературного труда и простор своему несомненному таланту журналиста. Дальше нас свела еще раз судьба в Белграде, где осенью 1944 г. буквально один он писал 2 раза в неделю газету на 6 страницах при помощи супруги Нины Ивановны, выполнившей роль литературного сотрудника, машинистки и корректора. Помню, как тяжело переживал Борис Николаевич приближившееся наступление армии ген. Толбухина; милый славянский Белград, принял лучшей части “старой” эмиграции, готовился пройти скорбный путь наших русских городов.

Дальше с Борисом Николаевичем довелось встретиться уже после крушения нашей борьбы в подлую эпоху “охоты за нашими черепами” ищеек ге-

С глубокой скорбью узнал я о кончине Бориса Николаевича. Ушел из жизни еще один из, увы, столь немногих у нас в Зарубежье, талантливых мастеров слова. Один из талантливейших...

Долгие годы его сотрудничества в “Нашей Стране”, большая и интенсивная переписка, общность взглядов и одинаковый подход к форме будущего устройства Государства Российского — Народной Монархии по идеи Ивана Лукьяновича создали между нами искренние дружеские отношения.

Кипучая натура Бориса Николаевича, его разносторонний талант делали рамки “Нашей Страны” слишком для него тесными. И, начав свою публицистическую деятельность в эмиграции у нас “Каретой Чацкого”, он очень скоро подготовил к печати свою первую книгу, изданную также нашим издательством — “Ди Пи в Италии”, и стал искать возможности расширить круг читателей своих талантливых публицистических статей и чисто литературных произведений.

Вскоре его имя можно было встретить на страницах многих газет и журналов, причем всегда и везде он оставался самим собою, неся свои мысли и убеждения в самые различные читательские круги. Организм Бориса Николаевича, подорванный Соловковами и ссылками, долго боролся с болезнью легких, но не смог с нею справиться, несмотря на климат и солнце Италии, где оборвалась его жизнь. Но оставленное им литературное наследство живет, мы твердо в этом уверены, до родной Земли и имя его станет известным миллионам и миллионам читателей Свободной России!

Дорогой Нине Ивановне и Лоллику “Наша Страна” шлет искренние соболезнования и сочувствие в постигшем их горе.

Вс. Дубровский

нерала Голикова из его репатриационных комиссий. Проживая то в Риме, то в лагерях, красноречиво описанных в книге “Ди Пи в Италии”, Борис Николаевич искал среди эмиграций силы на которые можно опереться. После кратковременного участия в выпуске полулегального монархического бюллетеня “Русский Клин”, Борис Николаевич начал сотрудничество в “Нашей Стране” и получил духовную и материальную поддержку от Ивана Лукьяновича Солоневича, который в глазах Б. Н. Ширяева был наиболее ему политически близким среди политических деятелей эмиграции. Борис Николаевич примкнул к Народно-Монархическому Движению и еще в одной из последних своих статей в “Посеве” подчеркивал свою верность его идеологии. В “Библиотеке Нашей Страны” вышли его первые литературные труды “Ди Пи в Италии”, “Светильники Русской Земли” и сборник “Я — человек русский”, которые создали ему литературное имя и обеспечили возможность печатать свои книги в “Гранях”, в Чеховском Издательстве, в издательстве “Посев”.

Борис Николаевич постоянно искал случая сотрудничать со всеми течениями эмиграции при условии их политической активности и непримиримости к большевизму, что вызвало нарекания на него в различных политических кругах и группировках.

Но, сейчас, перед свежей его могилой, надо признать его несомненные достоинства.

1. Большой литературный талант, не потухший в тюрьмах, ссылках, терзаниях и скитаниях сначала по разным уголкам порабощенной Родины (Туркестан, Россосы, Ставрополь, Черкассы — б. Баталпашинск) и фронтом и тылам последней войны, затем по лагерям Ди Пи; его языки безукоризнен, образы ярки и доходчивы, мелкие его рассказы дают прекрасные зарисовки советского быта и пользуются успехом во всех кругах нашего рассеяния, делая автора одним из наиболее популярных писателей Зарубежья.

2. Поразительная трудоспособность и плодовитость при широком диапазоне в тематике. Мне довелось видеть, как в Мелитополе он диктовал сразу на машинку статью на аграрную тему, затем

обзор военных операций на всех фронтах, потом острый фельетон; среди его работ, написанных в тяжело и красочно им описанных условиях лагерей беженцев, встречаются исторические экскурсы в русское прошлое и прекрасные критические оценки нашей эмигрантской литературы и воспоминания пережитого то в концлагерях, то в сравнительно легкую пору Туркестанской ссылки, то в период сотрудничества с немецкими оккупационными властями, то среди скитаний по ранее незнакомой ему Европе.

3. Стойкий антибольшевизм, который мог его вести на путь политических промахов или сотрудничества с явно различными и чуждыми друг другу политическими группировками, но не допускал ни малейшего соглашательства с советским режимом, ни с советофильскими течениями соглашательского типа в нашей эмигрантской среде.

4. Вера в грядущее возрождение национально мыслящей и свободной России; несмотря на свое происхождение из дворянской помещичьей семьи, Борис Николаевич видел в будущем победу Народно-Монархического Движения; оно, по его мнению, наиболее соответствует идеалам современных русских людей, которые после свержения большевизма не помирятся ни с какими попытками сохранения полубольшевистских или социалистических пережитков лихолетья; известная нам богатая страданиями и наблюдениями жизнь Бориса Николаевича позволяет верить в его большой житейский и практический политический опыт, в его знание русского народа, среди которого он жил, боролся и скитался в течение четверти века советской неволи.

Не пришло Борису Николаевичу ни дождь до радостного возвращения на свободную русскую землю, ни повидать Новый Свет, в который он постоянно стремился; практ его покоятся в той земле, на которой он прожил далеко не легкие последние 15 лет своей жизни, неразлучно с постоянной своей сотрудницей, другом и женой Ниной Ивановой, которой выражаем наше сочувствие. Италия, где он написал свои литературные труды, поставившие его на одно из первых мест среди писателей нашего рассеяния, делая автора одним из наиболее популярных писателей Зарубежья.

Алексей Ростов

ПРОФ. Е. МЕССНЕР

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Х. ИРРЕГУЛЯРСТВО

В 1812 г. генерал Кутузов выслал на коммуникации Наполеона “корволаны” (летучие отряды) Фигнера, Сеславина и казачьи. По недоразумению, история назвала их партизанами, но партизанами были не они, а крестьяне, взявшись за оружие против врага. Их действия и испанская герилла, а затем политическая и психологическая особенность гражданских войн в России, Испании, Греции, Китае и, наконец, поучения кровавой борьбы в Индокитае, Корее и на Малайе, а в особенности многообразие форм иррегулярных действий в войне 1939-45 г.г. должны были бы побудить военную науку заняться изучением феномена воевания не в поле, а в народе. Но старообрядческая психика офицерства препятствует осознанию того, что открылось французским поручикам и полковникам в Виетнаме, где оказались перевернутыми тактика, военная администрация, воинская психика. На Западе феномен этот не изучают в должной мере (книга генерала Хольмстона “Война и политика” блестит одинокой звездой на темном небе незнания); на Востоке феномен не может быть изучен правильно, вследствие марксистской предвзятости. А изучить есть что.

Народ перестал быть пассивным зрителем или безмолвной жертвой единоборства войск. Народ воюет. Гражданин свободной страны привык теперь к буйной оппозиции правительству; раб коммунистического государства привык к тайному, но упорному сопротивлению мучителям. Это — предпосылки для того, чтобы во время войны воспротивиться оккупационной власти в сотрудничестве с родным войском или подняться против власти своей страны в союзе с другой воюющей стороной.

На периферии этой народной борьбы стоит акция неповиновения (саботаж), в которой без большого личного риска может принять участие великое множество людей обоего пола и всех возрастов. Вторая форма борьбы — вредительство. Это уже не просто невыполнение распоряжений властей, это — связанное с известным риском причинение ущерба портам, продуктам производства и т. д.; тут нет предела изобретательности и инициативе. Эти две периферийные формы не требуют ни организованности, ни поддержки извне: тайные группы из членов революционно-политической партии показывают пример, заразительность которого побуждает широкие круги населения подражать увлекательным образцам. Участие в этих двух видах сопротивления может принять эпидемический характер, если тому соответствуют духовные свойства народа, если война создает

Полк. С. о Пастернаке

Помещая ниже анализ Полк. С., объясняющий появление на свет романа Б. Пастернака и рисующий цели, для достижения которых была задумана та сложная интрига, о которой говорит Полк. С., Редакция “Нашей Страны” считает необходимым обратить внимание читателей газеты на то, что она этой точки зрения НЕ разделяет.

Мы подходим к оценке романа “Доктор Живаго” с другой стороны и оцениваем его с иной точки зрения. Однако, в целях объективности, мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с мыслями по этому поводу одного из популярных сотрудников “Нашей Страны” — полк. С.

Редакция

С большим интересом прочел на английском языке, наделавшую так много шума и вызвавшую так много споров книгу Б. Пастернака “Доктор Живаго”, и хочу поделиться с читателями своими мыслями по поводу этого произведения советского писателя.

Мы должны признать факт, что коммунисты близки к своей цели — захват всего мира. Причина такого успеха — постоянная готовность нейтрального и даже антикоммунистического мира принимать за чистую монету ловко приготовленную и искусно поданную миру коммунистическую пропаганду. Привыкший с доверием относиться к печатному слову честный американец и житель свободного мира не может охватить своим умом сущность коммунизма и понять с какого рода врагом он имеет дело.

Коммунисты не ждут случаев и стечения благоприятных для них обстоятельств. Они сами создают их. Они знают, что самое лучшее место для ловли рыбы — мутная вода; взбаламучивают таковую и не минуты не колеблятся, чтобы броситься в самую ее гущу. Легковерный житель свободного мира не может допустить мысли, что коммунисты для достижения поставленной ими себе цели сознательно пачкают себя грязью и крутящийся водоворот принимают за естественное явление.

Книга Б. Пастернака получила Нобелевскую премию. Кремлевское правительство не разрешило Пастернаку получить таковую, якобы, потому, что раз-

решение получить премию вызвало бы необходимость выпуска этой книги в самом Советском Союзе. Запрещение опубликовать эту книгу в Сов. Союзе вызвало во всем мире интерес к таковой и громадный на нее спрос. За один только ноябрь 1958 г. в одних только САСШ было продано 160.000 экземпляров. Издательства немедленно ассигновали 25 тыс. долларов на рекламу для следующего ее выпуска. Мужество Пастернака, осмелившегося написать такую книгу, превозносилось до небес. И кремлевское правительство, якобы, находились в панике и в бессилии исправить тот вред, который причинила коммунизму эта книга советского писателя, (советского гражданина!), который осмелился выступить против такового и поведать миру о совершенных коммунизмом преступлениях.

Вот здесь-то и зарыта собака!.. Доверчивые и попались на удочку. Формула, по которой коммунисты работали с книгой Пастернака, почти идентична с книгой Милована Джилас — “Новый класс”. Разница только в том, что книга М. Джилас предназначалась для более широких слоев населения, не желающих, или не умеющих думать и принимающих на веру все, что дает им печатное слово. Но идеологическая цель в обоих случаях одна и та же. Как и какими путями коммунисты идут к намеченной цели?.. Постараюсь разобраться.

Каждый здравомыслящий человек понимает, что огромный спрос на книгу “Доктор Живаго” и колоссальный тираж таковой был бы абсолютно невозможен, если бы кремлевское правительство, его союзники-коммунисты и попутчики, в действительности не хотели бы ее продажи. Ни одна книга известных американских больших писателей не продавалась в таком громадном количестве. В лучших случаях: 40-50 тысяч экземпляров. Очень редко больше. Но если автор книги выражает мнение противоположное коммунистическим идеям — тираж ее ничтожен. И, наоборот, авторы книг, идущих в ногу с левыми, пользуются всегда большим успехом.

С 1950 года три комитета, присуждающих Нобелевскую премию, фактически

надлежащую психологическую атмосферу и если в массы будут брошены психологически-ударные политические лозунги. Направлять сопротивление может, пользуясь своим опытом мирного времени, дипломатия, но, конечно, согласуясь с планами стратегии.

Стратегия же берет в свои руки управление такими формами борьбы, как диверсия и террор. Диверсия это разрушение объектов военных (склады, телеграфные линии и т. п.) и невоенных (амбары с зерном, нефтеходы и т. д.). Террор низовой — это убийство из-за угла солдат на улицах и дорогах, мелких агентов власти и людей, сознавающих противной стороне; террор верховой — по принципу Пугачева “руби столбы, заборы сажи повалятся”. Диверсию и террор в тылу врага выполняют специалисты, доставленные в надлежащие районы на самолетах или подводных лодках (если невозможен простой переход линии фронта или границы); такую же акцию проводят и местные диверсионные и террористические группы (“пятые колонны”), а кроме того и партизанские отряды выделяют, при надобности, небольшие партии. Все это укладывается в рамки иррегулярной организованности и тактического, а может быть и оперативного руководства.

Пятой формой иррегулярного воевания является партизанство, то есть вооруженные действия отрядов, формируемых населением. Местные отряды собираются от случая к случаю и действуют каждый в своей округе; постоянные отряды прячутся в горах или лесах и обладают некоторой подвижностью, но не отрываются от родных деревень, потому что их население доставляет им снабжение, заботится о раненых и собирает разведывательные сведения; отряды из пришлого элемента, (бежавшие военнопленные, переброшенные через фронт специальные команды и т. д.) могут быть и подвижными, т. е. способными к переброске по распоряжению высших партизанских штабов из одного района в другой; такие отряды бывают вынуждены силою добиваться содействия населения, их чуждающегося; подобное насилие не всегда возмущает население — иной раз оно даже радуется принудительной мобилизации в партизанские отряды — факт принуждения снимает с населения круговую ответственность, а с мобилизованным — и часть личной ответственности.

Шестой и высшей формой народной борьбы является восстание, когда не отдельные партизанские отряды, но значительная часть населения берется за оружие.

Классической надо признать акцию населения Польши в 1939-45 году: она прошла, постепенно развиваясь, через все пять стадий и завершилась шестой стадией — восстанием генерала Бор-Коморовского в Варшаве (40.000 бойцов). Но вполне возможны случаи неполного развития иррегу-

лярства или ограничение его одной какой-либо формой борьбы (как, например, в Чехии, где дальше саботажа не пошло). Все зависит от свойств народа, от политики его врага, от случайности — появление, скажем, даровитых атаманов.

В Москве уже в 1933 г. была издана Инструкция о партизанской борьбе, но лишь на третьем году войны Сталину удалось организовать иррегулярное войско, декоративно поставив во главе его Ворошилова. Верховный штаб прибрал к рукам все множество (до 300 тысяч) партизан, а затем распространил свое влияние и за границу (тогда в ставку Тито прибыли советские “спецы”).

Чтобы пояснить это, я приведу для иллюстрации давно установленный в САСШ способ втирать очки легковерному покупателю. Обычно хозяин призывает приказчиков, коммивояжеров и др. и говорит им: — “Слушайте, джентльмены, если для того, чтобы закончить сделку потребуется ругать меня самыми последними словами, не задумывайтесь ни на минуту. Кройте меня, как хотите,

но помните самое главное — это продать товар”.

Какой же товар Кремлевское правительство с таким усердием и щательно разработанным планом старается продать свободному миру и, главным образом, американскому народу? Это — внушение, которое красной нитью проводится через весь роман Пастернака от первой до последней страницы — что социализм неизбежен в целом мире и с этим надо примириться и что социализм, как таковой очень хорошая штука. Вопрос только в том, кто стоит во главе такого. Если плохой человек, вроде Сталина, тогда, конечно, это плохо, а если хороший человек, то ничего лучшего и желать не надо, и вовсе не нужно бояться этого.

Кремлевское правительство не обращает внимания на то, какими мрачными красками Пастернак описывает первые годы революции. Ничего не поделаешь: “Лес рубят, щепки летят”, и “не разбивши яйца, не сделаешь яичницу”. Кремлевское правительство уверено, что читатель поймет необходимость суровых мер того момента. Оно не обращает внимания на то, в каких черных тонах Пастернак рисует Сталина. Сам же Хрущев на XXI коммунистич. конгрессе говорил о Сталине не лучше Пастернака. Скорее даже хуже. Самое главное — получить заказ и продать товар...

Коммунисты давно пришли к заключению, что человек подбитый пулею — бесполезен. Он уже не может работать в концлагерях и других рабских предприятиях, добывать уголь, нефть и пр. Они давно пришли к заключению, что разрушенные города, фабрики, заводы — также бесполезны: они не могут производить машин, одежды, обуви и проч. Необходимо захватить их не разрушенными.

Цель современной войны — захватить или взять в плен ум широких масс населения, их душу и способ мышления. Это и есть современная концепция общества, которая отодвигает все остальное в область минувшего.

На тот случай если кто-либо из читателей “Нашей Страны” усомнится в том, что Пастернак НЕ исполняет социальный заказ и не продает “коммунистический товар”, разрешите мне привести хотя бы несколько строк из романа “Доктор Живаго”.

Словами одного из героев он описывает дореволюционную жизнь XIX века, которая была не только в Москве,

надлежащую психологическую атмосферу и если в массы будут брошены психологически-ударные политические лозунги. Направлять сопротивление может, пользуясь своим опытом мирного времени, дипломатия, но, конечно, согласуясь с планами стратегии.

Стратегия же берет в свои руки управление такими формами борьбы, как диверсия и террор. Диверсия это разрушение объектов военных (склады, телеграфные линии и т. п.) и невоенных (амбары с зерном, нефтеходы и т. д.). Террор низовой — это убийство из-за угла солдат на улицах и дорогах, мелких агентов власти и людей, сознавающих противной стороне; террор верховой — по принципу Пугачева “руби столбы, заборы сажи повалятся”. Диверсию и террор в тылу врага выполняют специалисты, доставленные в надлежащие районы на самолетах или подводных лодках (если невозможен простой переход линии фронта или границы); такую же акцию проводят и местные диверсионные и террористические группы (“пятые колонны”), а кроме того и партизанские отряды выделяют, при надобности, небольшие партии. Все это укладывается в рамки иррегулярной организованности и тактического, а может быть и оперативного руководства.

Пятой формой иррегулярного воевания является партизанство, то есть вооруженные действия отрядов, формируемых населением. Местные отряды собираются от случая к случаю и действуют каждый в своей округе; постоянные отряды прячутся в горах или лесах и обладают некоторой подвижностью, но не отрываются от родных деревень, потому что их население доставляет им снабжение, заботится о раненых и собирает разведывательные сведения; отряды из пришлого элемента, (бежавшие военнопленные, переброшенные через фронт специальные команды и т. д.) могут быть и подвижными, т. е. способными к переброске по распоряжению высших партизанских штабов из одного района в другой; такие отряды бывают вынуждены силою добиваться содействия населения, их чуждающегося; подобное насилие не всегда возмущает население — иной раз оно даже радуется принудительной мобилизации в партизанские отряды — факт принуждения снимает с населения круговую ответственность, а с мобилизованным — и часть личной ответственности.

Шестой и высшей формой народной борьбы является восстание, когда не отдельные партизанские отряды, но значительная часть населения берется за оружие.

Классической надо признать акцию населения Польши в 1939-45 году: она прошла, постепенно развиваясь, через все пять стадий и завершилась шестой стадией — восстанием генерала Бор-Коморовского в Варшаве (40.000 бойцов). Но вполне возможны случаи неполного развития иррегулярства или ограничение его одной какой-либо формой борьбы (как, например, в Чехии, где дальше саботажа не пошло). Все зависит от свойств народа, от политики его врага, от случайности — появление, скажем, даровитых атаманов.

В Москве уже в 1933 г. была издана Инструкция о партизанской борьбе, но лишь на третьем году войны Сталину удалось организовать иррегулярное войско, декоративно поставив во главе его Ворошилова. Верховный штаб прибрал к рукам все множество (до 300 тысяч) партизан, а затем распространил свое влияние и за границу (тогда в ставку Тито прибыли советские “спецы”).

Чтобы пояснить это, я приведу для иллюстрации давно установленный в САСШ способ втирать очки легковерному покупателю. Обычно хозяин призывает приказчиков, коммивояжеров и др. и говорит им: — “Слушайте, джентльмены, если для того, чтобы закончить сделку потребуется ругать меня самыми последними словами, не задумывайтесь ни на минуту. Кройте меня, как хотите,

но помните самое главное — это продать товар”.

Какой же товар Кремлевское правительство с таким усердием и щательно разработанным планом старается продать свободному миру и, главным образом, американскому народу? Это — внушение, которое красной нитью проводится через весь роман Пастернака от первой до последней страницы — что социализм неизбежен в целом мире и с этим надо примириться и что социализм, как таковой очень хорошая штука. Вопрос только в том, кто стоит во главе такого. Если плохой человек, вроде Сталина, тогда, конечно, это плохо, а если хороший человек, то ничего лучшего и желать не надо, и вовсе не нужно бояться этого.

Кремлевское правительство не обращает внимания на то, какими мрачными красками Пастернак описывает первые годы революции. Ничего не поделаешь: “Лес рубят, щепки летят”, и “не разбивши яйца, не сделаешь яичницу”. Кремлевское правительство уверено, что читатель поймет необходимость суровых мер того момента. Оно не обращает внимания на то, в каких черных тонах Пастернак рисует Сталина. Сам же Хрущев на XXI коммунистич. конгрессе говорил о Сталине не лучше Пастернака. Скорее даже хуже. Самое главное — получить заказ и продать товар...

Коммунисты давно пришли к заключению, что человек подбитый пулею — бесполезен. Он уже не может работать в концлагерях и других рабских предприятиях, добывать уголь, нефть и пр. Они давно пришли к заключению, что разрушенные города, фабрики, заводы — также бесполезны: они не могут производить машин, одежды, обуви и проч. Необходимо захватить их не разрушенными.

Цель современной войны — захватить или взять в плен ум широких масс населения, их душу и способ мышления. Это и есть современная концепция общества, которая отодвигает все остальное в область минувшего.

На тот случай если кто-либо из читателей “Нашей Страны” усомнится в том, что Пастернак НЕ исполняет социальный заказ и не продает “коммунистический товар”, разрешите мне привести хотя бы несколько строк из романа “Доктор Живаго”.

Словами одного из героев он описывает дореволюционную жизнь XIX века, которая была не только в Москве,

Петербургге, но и во всех больших городах Европы — кутежи “золотой молодежи”, бездельников, скачки, кабарэ, проституция, произвол, взяточничество и т. д. “Все это, — говорит он, — дало толчек для зарождения новой жизни, новых идей — социализма. Революция, молодежь, умирающая на баррикадах, писатели, ломающие себе голову над задачей, как ограничить, или уничтожить, жестокую власть денег, как спасти человеческое достоинство бедных. И.. марксизм встал во весь свой рост, открыл корни зла и предложил средство исцеления. Он стал громадной силой нынешнего столетия...”

“...все это усвоил, впитал в себя и провел в жизнь Ленин, который обрушился на старый мир, как олицетворение возмездия за все зло такового...” и дальше: “...и рядом с ним перед глазами мира поднялся могучий образ России, вспыхнувший пламенем, как ослепительный свет искупления за все горе и несчастье человечества...”

Правда, Пастернак осуждает ошибки коллективизации, жестокость Ежовского периода (1936-38 г.г.) “...Но, — говорит он, — победоносная, величественная народная война уничтожила все следы свежего воздуха, как очищающий шторм, прошлого. Война пришла, как дыхание как вздох освобождения...” и дальше: “...Когда вспыхнула война, ее реальный ужас, ее действительная опасность смерти были благословением по сравнению с нечеловеческим царством лжи и мертвчины. Это почувствовали все, не только в самых отдаленных уголках страны, в концлагерях, но и в каждом доме, в окопах на фронте, и все они глубоко вздохнули и бросились в горнило освободительной борьбы с искреннею радостью, с восторгом...”

Фальшивка. Вспомним, что несмотря на все усилия и уверования Сталина, Киев был сдан без единого выстрела немцам. Целые дивизии и корпуса переходили на сторону последних. Вспомним, как под Сталинградом сов. офицеры с револьвером у затылка солдат гнали их в бой на защиту города. И если бы Гитлер вместо нового рабства принес бы освобождение, то Восточный фронт разрушился бы в течение очень короткого времени. Даже в 1945 году, когда немцы, наконец, решили использовать русских антикоммунистов и когда победа Советов была уже в их руках, тем не менее, целые полки красноармейцев переходили на сторону ген. Власова. Для тех читателей “Доктора

Живаго”, кто не знает истории, Пастернак легко продает идею: с каким энтузиазмом русский народ защищал деспотизм, который бросил его в войну и который вызвал таковую!..

Кремлевское правительство может гордиться победами во время войны и непосредственно после окончания таковой, а именно: — высылка 1.200.000 поляков в сибирские концлагеря, хладнокровное убийство 11-ти тыс. польских офицеров в Катынской роще, предательство 250.000 армии ген. Бор-Коморовского, убийство всех польских патриотов, освободивших Познань от немцев, ликвидация крымских татар, калмыков, некоторых кавказских народов, расстрел и высылка в лагеря военнопленных, выданных союзниками и проч. и проч. Пастернак в своем романе ни одним словом не обмолвился об этом. Наоборот, страдания русского народа от коммунистических тиранов он рассматривает, как муки рождения, давшие России величественную идею социализма. Благородство марксизма и справедливость Ленина (точные слова Пастернака) он рассматривает, как награду для освобожденного народа и в то же время, как возмездие капитализму за все его преступления.

Один из политических деятелей как-то сказал: “Мне безразлично, что обомне говорят, но лишь говорили бы” Вот эту формулу коммунисты усвоили целиком, подняв необычайный шум вокруг книги коммунистического писателя, написанной в коммунистическом государстве. Они заставили инертного американского читателя задуматься над “величием” рекламированного “титанического шторма”, охватившего Россию, о “культуре” и о “морали”, о “величии коммунистической родины, о русских “гениях”, давших миру спутника, баллистический снаряд, московский балет и прочее. И самый большой шум они подняли после выпуска книги “Доктор Живаго” за границей, по поводу автора таковой, называя Пастернака самыми последними словами и предлагая ему уехать из России в любую “дорогую его сердцу капиталистическую страну...”

На всем протяжении романа (559 стр.) Пастернак почти ничего не пишет ни о капиталистических странах, ни о капиталистах, ни об антикоммунистах. Почему же тогда капиталистические страны “дороги его сердцу”?.. “Наоборот, кроме ненависти я не нашел ни одного хорошего слова о западном мире. Не-

рядок — своеобразием, иерархия по старшинству — выдвижением энергичнейших, государства идея — оппортунистическими лозунгами, унаследованная этика — учетом полезности, слово разума — криком буйства. Этот странный для офицерства мир врывается в войну, в стратегию — именно в стратегию, потому что иррегулярные силы за время одной войны от тактики шагнули в оперативную, а теперь вступили в стратегию: почти все войско Франции — 450 тысяч привязано к Алжиру, где партизанят сотни, террорствуют тысячи, а саботируют миллионы арабов.

На некоторых секторах некоторых театров будущей войны народное сопротивление создаст анархию, на иных — диверсия-террор вызовут смятение, на третьих партизанство или восстание парализует вражеское воинство, а на четвертых все вместе взятое превратят войну в ничем не сдерживаемую борьбу политических фанатиков, безумствующих в убийствах и разрушениях, на фоне которых хладнокровные бои войск будут казаться актами милосердия к противнику.

Немцы пытались противостоять иррегулярству войску, для чего на Востоке из 240 дивизий отрядили 25, усилив их сотнями батальонов из русских, малороссов, казаков, туркестанцев (всего до 500 тысяч). Войско пассивно обороняло военные объекты и пути сообщения, активно “прочесывало” партизанские районы (однажды против Тито было употреблено для этого 5 дивизий), подвергало массовым репрессиям население (озлобляя этим уцелевших), казнило заложников. Последняя мера казалась действительной, однако, хотя в Италии немцы за одного убитого солдата расстреливали десять заложников, а в Кении за каждого убитого англичанина Маумай заплатили 260-ю жизнями, все же устрашением населения достигается мало. Иррегулярству надо противопоставить то, что называется “гражданской войной”: надо сопротивляющейся нам и борющейся против нас части населения противопоставить политически и вооруженно ту часть, которая нам идеологически созвучна — надо создать междуусобицу. Немцы никак не поддержали антикоммунистическую акцию в тылу Красной армии, развернувшуюся в 150 районах СССР, а Кох и Рибентроп лишили идеологии те сотни тысяч антибольшевиков, что в немецком тылу помогали бороться против красных партизан. В Сербии же отлично и успешно дралился против “титовцев” корпус “зборашей”, которым Льотич дал крепкую идеологию.

Революцию на войне пожрет лишь контрреволюция. Деструктивное можно одолеть только конструктивным. В борьбе против иррегулярства побedu дают не карательные экспедиции и не овладение территорией, но овладение душой народа. Суворов, сражаясь против революционеров-французов, говорил: больше благородством побеждать, нежели оружием.

нависть к Белой Армии у него доходит до абсурда, до глупости, до самой дешевой пропаганды. Чтобы не быть голословным, приведу хотя бы один пример: “...белые захватили в плен красного партизана, отрубили правую руку и левую ногу, привязали их к спине и заставили пленного ползти к своим. Расстояние между противниками было не менее полуверсты, скорее больше.

И вот пленник пополз. Дополз в полном сознании, рассказал все и только тогда, испустив последнее проклятие белым, умер”. Теперь я спрошу: может ли человек с одной рукой и одной ногой, с перерубленными артериями не потерять через несколько минут сознания и проползти такое огромное расстояние? Да, ведь, в таком состоянии человек не проползет и 10 шагов!. Говорить, что в Гражданской войне не было эксцессов, было бы глупо. Конечно, они были с обеих сторон. Красные вырезали из кожи захваченных пленных погоны на пиджаках и лампасы на ногах. Белые без суда расстреливали коммунистов. Но за всю Гражданскую войну я не только не видел, но даже и не слышал ни о чем подобном, что пишет Пастернак. Только ослепленный ненавистью он и мог написать такую чушь. Не пощадил Пастернак и умученного Государя. Он не понял, или не захотел понять всей трагедии Государя, не пожелавшего изменить ни Богу, ни России. Он показал всего один только раз во время Первой Мировой войны, когда Государь принял на фронт. Абсолютно ненужная и лишняя для романа сцена, т. к. во всем романе Государь больше не фигурирует. Но он показал Его в таком виде, чтобы мир увидел, кто стоял тогда во главе России и почему февральская и октябрьская революции были неизбежны. Ослиное копыто? А что же другое? Государь выведен именно в таком виде, который угоден коммунистической партии.

Прошу у читателя извинения за отступление, возвращаюсь к теме. Еще больший шум поднял сам Пастернак по поводу его “высылки” из Сов. Союза: “Ой, — вопит он, обращаясь к Хрущеву, — не заставляйте меня покинуть чудесную страну Советского Союза!” Он кричит так, чтобы весь мир слышал его, что он согласится скорее жить в Сов. Союзе, как враг Кремлевского Правительства, нежели в чести и богатстве награжденного Нобелевской премией в какой-либо капиталистической стране... Ну, кто после этого может усомниться в том, что Сов. Союз не есть единственный рай для всякого?

40 лет коммунисты проводят с большим успехом величайший в истории блеф. Они знают, что если заставить известное количество людей поверить в то, что они выигрывают битву, или войну, то они и выигрывают таковую! (“Ваши внуки будут жить в коммунистической Америке”, — как-то сказал Хрущев). Для этого они используют все психологические уловки и хитрости, которые когда-либо были открыты учеными или шарлатанами, и которые они изобрели сами. Борис Пастернак и его книга “Доктор Живаго”, что наделали так много шума в свободном мире — это часть заранее обдуманного плана, чтобы заставить некоммунистический мир открыть свои глаза еще шире на коммунистическую претензию величия и успеха и неизбежно прийти к вопросу: “А может быть эти претензии справедливы?”..

Весь эпизод с Пастернаком не что иное, как ловкий психологический трюк Кремлевской пропагандной машины, но, пожалуйста, западный мир никогда не поумнеет и ничему НЕ НАУЧИТСЯ.

Полк. С.

Денежные переводы по почте и банковские чеки просим адресовать на имя Vsevolod Dubrowsky, а не только на “Nuestro País”, без упоминания имени ее редактора-издателя.

Ю. Слезкин

ГРАФ КЕЛЛЕР

ГРАФ Ф. А. КЕЛЛЕР

“Царь никогда не ошибался

Оценку делая всему,

Граф Келлер до конца остался

В несчастьи преданный Ему”.

(“Витязь Славы”. Стих. Старого Кирибая).

40 лет тому назад, в начале 1919 года, шайкой петлюровцев был подло в спешу убит в Киеве Генерал от Кавалерии граф Федор Артурович Келлер.

Кому из кавалеристов не известно имя графа Келлера — этого самого выдающегося Кавалерийского Начальника времен Первой Мировой войны?! Имя гр. Келлера неразрывно связано с 10-й Кавалер. дивизией, которой он командовал и которая так и называлась: “Келлеровская”. Со своей 10-й Кавалер. дивизией, которую он повел на войну (в дальнейшем он командовал 3-им Конным корпусом и конной группой, которая временами доходила до 5-6 кон. дивизий), граф Келлер вписал самые блестящие страницы в Историю Русской Конницы, дав исключительные примеры конных атак на неприятельскую кавалерию, пехоту и артиллерию, во времена которых, только в первый год войны, дивизией было взято свыше 20 действующих неприятельских орудий.

Будучи убежденным сторонником применения конницы по ее прямому назначению, гр. Келлер, вопреки доводам (накануне Первой Мировой войны) военных авторитетов — о невозможности в современных условиях войны конных атак крупными соединениями конницы, — настоятельно готовил полки 10-й Кавалер. дивизии к конным атакам на любого противника. Начавшаяся война показала, что он был прав и только когда она (со второй своей половины) из маневренной перешла в позиционную, арена деятельности конницы значительно сузилась.

Самым славным кавалерийским делом гр. Келлера был конный бой 10-й Кавалер. дивизии 8 августа 1914 г. у дер. Ярославица (Вост. Галиция), когда дивизия в конном строю атаковала и совершенно разгромила 4-ю австрийскую кавалер. дивизию генерала Риттер фон Заремба, причем Ингерманландскими гусарами были взяты 2 действующие конные батареи австрийцев, уже стрелявшие по атакующим “на картечь”.

Целый ряд последовавших за этим более блестящих кавалерийских атак поднял имя графа Келлера на большую высоту, поставив наравне с именами Зейдлица и Цитена времен “Золотого века конницы”.

Требовательный и строгий Начальник, гр. Келлер в то же время был бесконечно заботлив к своим подчиненным, которыми был прямо боготворим. Будучи беспредельно предан Государю и Государыне, он пользовался Их исключительным расположением, которое оправдало до конца.

В позорные дни февраля-марта 1917 года, когда некоторыми забывшими присягу генералами с угодливою поспешностью спарывались с погон Царские вензеля, граф Келлер оставил неизменно предан Государю и узнав об вынужденном отречении Государа, послал Ему следующую верноподданническую телеграмму:

“Его Императорскому Величеству. Ставка: 3-й Конный Корпус повергает к стопам Вашего Императорского Величества свои верноподданнические чувства и просит Ваше Императорское Величество не покидать Престола.

Граф Келлер”.

К сожалению телеграмма эта (равно как и аналогичная телеграмма ген. Хана Нахичеванского) была задержана и не была вручена Государю. Будучи твердо уверен, что отречение было ис-

В субботу, 13 июня с. г., в Доме Русских Белых (Карлос Кальво 2851)

КОНЦЕРТ-БАЛ СОЮЗА РУССКИХ ВОЕННЫХ ИНВАЛИДОВ ИМ. ГЕН. ОТ КАВ. БАРАТОВА

КОНЦЕРТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

под руководством известного артиста А.Лучинского
Водевиль с пением и танцами “99 из 100 обыкновенных историй” — в концертном исполнении.

Оркестр под управлением Г.Рабиновича
Обильный дешевый буфет — Лотерея — Танцы до утра
Билеты — 30 песо при входе.

ПРАВЛЕНИЕ

Дневник наблюдателя

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ МАЯ

Люди, ориентированные в вопросах международной политики, не без волнения ждали названного дня. Истекал срок, назначенный Хрущевым для принятия решительных мер со стороны СССР в отношении Германии, мер, которые, в связи с протестующими заявлениями Запада, могли повести к военному столкновению. Этот день действительно связался с событием, которое отразилось заметным впечатлением в мире, однако, причина была совершенна иною. Хрущев оказался верен своему слову: не принимать намеченных мер, впредь до выяснения картины, к которой может привести женевская конференция министров иностранных дел, и 27-ое мая прошло бы совершенно незаметно. Но этот день совпал с печальным обстоятельством: похороны бывшего министра иностранных дел САСШ — Дж. Фостера Даллеса. Он скончался утром 24-го мая на 72-ом году жизни.

Вуважение к его заслугам перед страной, Америка погребла его прах с подобающей торжественностью. Для оказания чести покойному в Вашингтон съехались отовсюду представители других стран, и похороны Даллеса вызвали перерыв в заседаниях женевской конференции.

За день до отъезда в Вашингтон из Женевы совещающиеся там министры согласились, что дальнейшие заседания должны происходить в секретной обстановке, без протокола и при закрытых дверях. В Вашингтоне, после похорон Даллеса, эти министры были приняты Президентом САСШ Айзенхаузером. Его указания министрам, участникам женевской конференции, состояли в том, что если женевская конференция не даст положительных результатов, то женевская конференция состоится не сможет. Не лишенный юмора Айзенхаузер заметил, что министры должны говориться еще в самолете, которым они отправятся из Вашингтона в Женеву, и высказал даже готовность распорядиться о заправке самолета горючим в воздухе: “Летайте, мол, пока не говорите!”

Вообще яснее и яснее видно, что цель женевской конференции не в том, чтобы разрешить наболевшие вопросы, но в том, чтобы сделать возможной вершинную конференцию. В этом есть свой смысл. Дело в том, что этой конференции очень хочется Хрущеву, стало быть, при такой постановке вопроса Хрущев легче пойдет на уступки.

торгнуто у Государя обманом, гр. Келлер не захотел служить при революционном Правительстве и отказался ему присягнуть, сдал корпус и уехал в Харьков, где его квартира вскоре стала местом паломничества офицеров и солдат 10-й Кавалер. дивизии, считавших своим священным долгом, бывая в Харькове, навестить “своего графа”. Там я его видел в последний раз летом 1918 г. перед моим отъездом в Добровольческую армию. С чувством глубокой гордости буду всегда вспоминать доверие, проявленное мне графом Келлером при нашем последнем свидании.

Бескомпромиссный монархист — граф Келлер воздержался сперва принять участие в Белом Движении, поскольку оно не шло открыто под монархическим лозунгом, но нас — офицеров 10-й Кавалер. дивизии — он благословил итти в Добровольческую армию с тем, чтобы мы немедленно собрались к нему, когда он “кликнет клич”.

Увы, этого клича мы так и не дождались, ибо подле убийцы вырвали из жизни этого самоотверженнейшего, благороднейшего “Витязя Славы”, как его образно назвал в своем стихотворении талантливый писатель-кавалерист Старики Кирибей (П. Н. Шабельский-Борк). Человек железной воли, граф Келлер имел все данные, чтобы повернуть колесо Русской Истории в другую сторону, но видно еще не судил того Господь Бог!

Умер граф Келлер, но те заветы, которые он оставил своим “питомцам” — офицерам 10-й Кавалер. дивизии, — будут жить вечно в наших сердцах.

Для меня же имя графа Келлера всегда останется символом долга, чести и преданности до конца своему Императору.

Полк. Ю. Слезкин

Прибыв в Женеву, министры приступили к секретным заседаниям, о которых стало известно, что в принципиальных пунктах согласия все равно нет. Впрочем, чтобы вызвать сговорчивость Хрущева, на уступки пока что идет Запад. Одно из них является готовность прекратить антисоветскую деятельность в Зап. Германии. Если это так, то радио-станция “Освобождение” будет закрыта; прекратится, очевидно, и помощь перебежчикам и другие виды деятельности, столь неприятной для коммунизма. Женевские заседания продолжаются, конца им не видно. Если они когда-нибудь закончатся, то на смену им придет вершинная конференция, которая тоже будет длиться немало. Повидимому, цель, давно поставленная Мак Милланом: уложить Германскую проблему в долгий ящик, будет исполнена. По этому случаю можно поздравить Мак Миллана, равно как и Хрущева, которому затяжка весьма на руку. Почему? Да потому, что чем дольше затягивается неизбежный вооруженный конфликт, тем глубже и основательнее Хрущев может проводить подрывную работу в капиталистическом мире, тем самым облегчая коммунизму победу в будущем.

В самый день 27-го мая Хрущев оказался в Албании. Ни в одной из своих сателлитных вотчин Хрущев не пребывал так долго, как в Албании, где он наметил пропустить 13 дней. Очевидно, визит многоизначителен, т. к. туда съехались и другие коммунистические главки: заблаговременно прибыл Греческий и поспешил туда же китайский военный министр. Об их совещаниях там вестей нет, но ежедневно приходят сведения о речах Хрущева, произносимых им перед албанцами в разных городах страны.

Наиболее важные его заявления: строгое предупреждение Италии и Греции, чтобы они не смели допускать установки площадок для запуска атомных ракет, могущих поражать цели в СССР. Греции Хрущев даже порекомендовал выйти из Атлантического Пакта. Все это, разумеется, в целях соблюдения мира во всем мире. По смыслу речей замечено также, что дело идет к уничтожению границ между коммунистическими странами, т. е. события развиваются в том направлении, чтобы эти страны, до сих пор еще похвалявшиеся своей национальной независимостью, юридически превратились в то, чем они фактически являются: в национальные области Союза Советских Социалистических Республик. Говорил Хрущев также и о том, что если женевская конференция не даст ожидаемых результатов, то СССР приступит к односторонним мерам в отношении Германии, заключит сепаратный мир и т. п. и т. д.

Из Америки Хрущеву заметили, что его намеки по адресу Италии и Греции не благоприятствуют делу мира, ибо носят воинственный характер. Но что ему?.. Позволим высказать наше личное соображение, что длительный и обстоятельный визит Хрущева в Албанию... не связан ли с “высочайшим” смотром албанских баз для запуска атомных снарядов? Разумеется, об этих базах нигде не слышно было, но по сути дела надо полагать, что их следует устанавливать тайно, а не так, как это получилось с Италией и Грецией, где о подобных планах знает весь мир, а дело — ни на волос вперед. Большевики же — люди дела и отлично знают, что надо делать беззумно и о чем надо кричать. Хочешь мира — готовься к войне! Большевики кричат о своем стремлении к миру и, разумеется тайно, энергично готовятся к войне. Советчики умеют соблюдать военные тайны!

Продолжается подведение мин под западный мир и на других фронтах. Уругвайские газеты сообщают о чрезвычайном повышении деятельности коммунистической агентуры в Уругвае. Южно-Американские коммунисты из Москвы держат лучную связь с уругвайскими капиталистами-коммунистами и укрепляют Монтевидео, как коммунистический центр для действия по всей Латинской Америке.

В целях помочь Уругваю, понесшему страшные потери от недавнего наводнения, СССР предлагает этой стране заем в 120 млн. долларов, а Вост. Германия еще 15 млн. долларов. Заем —

в виде технической помощи, для которой сюда должно прибыть бесчисленное множество техников. Уругвайские газеты отдают себе отчет в том, что техники бывают разные: одни — по техническим делам, а другие — по делам политическим. Шупальцы уругвайского коммунистического центра должны проникать повсюду. Займы восстановления предлагаются Уругваю также и из САСШ. Ближайшее будущее покажет, на какой галс ляжет Уругвай, и если он ляжет на левый галс, то Хрущева можно будет поздравить с еще одной крупной победой, достигнутой им в обстановке мира, за который он так ратует. Да еще бы не ратовать, когда мир во всем мире ведет его от одной победы к другой на пути к овладению всем миром.

Поступают также данные о коммунистической природе недавней революции на Кубе. Пусть сомнительны или пристрастны данные, говорящие о принадлежности Фиделя Кастро к коммунистической партии, но неоспоримо то, что его брат Рауль прошел в Москве школу партизанской войны при МВД, другие из его окружения — бывшие комсомольцы и люди, участвовавшие в подавленной коммунистической революции на Гватемале.

Если по началу земельная реформа, намеченная Ф. Кастро на о. Кубе, выглядела, как наделение неимущих землевладельцев землею, принадлежащей капиталистам, которые эту землю не эксплуатируют, то новые сведения выявляют, что речь идет о конфискации земли и оставлении в собственности владельцев и землевладельцев лишь участков, ограниченных 1.000 акров, то есть мы имеем дело с шагом в направлении к “приусадебным участкам” и к колективизации, которая неизбежно последует за национализацией земли.

Впрочем, задуманная Фиделем Кастро земельная реформа вызвала беспокойство заинтересованных лиц и проведение реформы отложено.

Как бы ни обстоял вопрос с землею на Кубе, не подлежит сомнению мало симпатичный факт, что коммунистическая партия, запрещенная при свергнутом диктаторе Ф. Батиста, теперь разрешена и действует со своейственной ей энергией. Клещ коммунизма крепко въедается в Американский континент.

Итак, пока великие деятели международной политики бережно заботятся о деле мира во всем мире, коммунизм не дремлет и все глубже забывает свои клянья для “последнего решительного”. Нельзя сказать, чтобы время работало на Советский Союз. Но можно отчетливо видеть, что международный коммунизм работает на свою победу, в то время как демократический Запад благодушно работает на сохранение того самого мира, который так благоприятствует победе коммунизма. Таким образом, на Советский Союз работает не время, а человеческая недальновидность и благодушие, чтобы не назвать их своим именем. Еще свежи газеты, передавшие фотографию Хрущева в обществе посетивших его американских миллионеров. Все они весело улыбались. Дорого будут стоить миллионерам эти улыбки! Не дай Бог!

В заключение отметим крупное достижение американского межпланетного “воздухоплавания”. 28-го мая был запущен снаряд, в котором сидели две мартышки. Они взлетели на высоту 300 миль, пробыли в полете 15 минут и упали в воды Атлантики, откуда были вскоре извлечены. Мартышки живы и здоровы, и это дает ученым надежду, что вскоре и человек сможет отправляться в межпланетные путешествия. А кому это нужно?..

Наблюдатель

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
“НАША СТРАНА”
И КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА “НАША СТРАНА”
В БУЭНОС АИРЕСЕ
п р о д а ю т с я:**
в Книжном магазине Бр. Лашкевич, ул. Леандро Алем 1140;
в Киоске В. С. Вербицкого при Храме Воскресения Христова (ул. Нуэс, 3541);
в Киоске Б. Н. Рясианского при церкви на Облигадо 2130;
у газетчика на углу ул. Леандро Алем и Виамонте;
на Вижа Бажестер у инж. Василькиоти, при церкви на Ав. Альвеар.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTROR PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 840
Correio Central, São Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Russo), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U.S.A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave, San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. E, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store “Russ”, 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 14-th St. New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str. Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 1, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lake Shore Drive, Dorval, Que.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivocheieff, “Kama” 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142

Greece: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 4 Athènes.

Holland: Mej. A. Looper, Anna Str. 1 Oosterbeek

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Bundoora, Brisbane, Q-d.

Polyglot Book Depot, 256 Collins St. Melbourne C 1.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond St. South Wentworthville, N.S.W.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. ф.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 ш. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульд.; Швеция — 1 шв. кр.; Греция — 4 др.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. ф.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден; Греция — 8 др.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова.

Подписка принимается Редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за .д. ся т. номеров вперед.